

Сов. культура. — 1990. — 17 февр. — с. 10

Новое амплуа Эдисона Денисова

Он стал открытием последних лет. Серия авторских концертов, публикации в прессе, официальные торжества в честь его 60-летия — слагаемые общественного признания, победы, одержанной композитором в четвертьвековой борьбе за творческую независимость. Одним из самых мощных бастионов, стоявших на его пути к советскому слушателю, все эти годы был Союз композиторов СССР. Сегодня Эдисон Денисов — в руководстве этой организации...



вред советской музыке. Хотя я понимаю и тех, кто сводит все зло в одну его фигуру. Он руководил Союзом в течение 42 лет (что само по себе, конечно, ненормально, такого быть не должно) и, по логике, ответствен за состояние дел в нем. Но ведь очень многое зависело и не от Тихона Николаевича. В той обстановке, которая была в стране при Сталине или при Брежневле, руководить союзом по-другому было если не невозможно, то, по моему, очень трудно... Хренников по своей природе добрый человек и умный, опытный политик. Другое дело, что он окружил себя людьми, коррупционерами СК и принесшими огромный вред нашей музыке. Правды об этих людях еще не сказано, а их было немало. Достаточно назвать хотя бы два имени — В. М. Ярустовский, секретарь СК, бывший одним из соавторов постановления 48-го года, и В. А. Белый, один из самых страшных людей в СК, обладавший тихой, тайной властью. У него был точный нюх на талантливость, он запрещал, даже не слушая. Уничтожение лучших композиторов 20—30-х годов — Рославца, Лурье, Мосолова и других — во многом его рук дело. Я считаю позором для СК и нашего издательства «Советский композитор», что в прошлом году вышел сборник статей и воспоминаний о В. А. Белом. Пока выходят книги, подобные этой, боюсь, об обновлении Союза композиторов говорить еще рано.

— **Какие обязанности предстоит выполнять вам?**

— Я человек новый и еще не совсем понял, что я могу делать в секретариате. Но если я согласился работать, то хочу действительно работать, а не присутствовать, как говорится, для мебели...

— **Что, на ваш взгляд, следует в первую очередь изменить в Союзе композиторов?**

— Всю его структуру. Эта работа уже начата, и пример тому — сокращение нашего аппарата. То же нужно сделать и в отношении служащих СК. Среди них слишком много тех, кто ничего не делает. Но главное — замена людей. Необходимо обновить руководство СК полностью. Мое глубокое убеждение, что люди, которые работали при Сталине и Брежневле, не имеют морального права оставаться в руководстве Союза.

— **Тем не менее с одним из таких людей вам предстоит работать и в новом секретариате...**

— О Хренникове нельзя говорить как о человеке, принесшем только

жды, чем веры. Все крайне запущено, люди отучены от инициативы, они устали. Изменения идут пока сверху, то есть недемократическим путем, и еще не ясно, хороши они или плохи.

— **Что же побудило вас принять предложение Т. Н. Хренникова и стать одним из руководителей организации, во многом себя скомпрометировавшей?**

— У меня были большие сомнения, я и сейчас не уверен, правильно ли поступил... Власть мне не нужна, я к ней никогда не стремился, самоутверждаться и пропагандировать собственное творчество — то, ради чего многие добиваются руководящих постов, — мне тоже ни к чему. Привилегии? Я отказался даже от секретарской зарплаты, во всяком случае, до тех пор, пока не пойму, могу ли я приносить пользу... Но мне показалось, что, войдя в руководство СК, я получу больше возможностей делать что-то хорошее, помогать тем, кто является гордостью нашей музыки, кого все эти годы не издавали, не записывали, не включали в официальные концерты. Мне хотелось бы вытащить на свет и всю ту замечательную музыку, которая, подобно живописи Кандинского и Малевича, Фалька и Филонова, в течение многих лет считалась несуществующей...

— **Можно один щекотливый вопрос? Не исключено, что некоторые из прежних руководителей Союза композиторов запрещали какую-то музыку и, в частности, вам, потому что совершенно искренне не видели в ней ничего хорошего. Насколько вы сами**

терпимы к музыке, не отвечающей вашим вкусам, развивающейся в направлении, приверженцем которого вы не являетесь?

— Я считаю, что если ты «просто» композитор и пришел на секцию, то можешь говорить все что угодно. Но если тебе доверен руководящий пост, ты должен стараться быть справедливым и максимально беспристрастным, хотя понимаю, что это нелегко. Композиторы, к сожалению, часто более узки и менее объективны в своих суждениях, чем, скажем, музыканты-исполнители или музыковеды. И может быть, правы поляки, выдвигающие в руководство своего Союза композиторов, как правило, музыковедов, единственным исключением, кажется, был Кшиштоф Мейер... Но в любом случае справедливость и терпимость к чужим взглядам должны быть необходимыми качествами руководителя.

— **Как раз дефицитом этих качеств и славилось руководство Союза композиторов...**

— Пожалуй. На него всегда смотрели как на элиту, как на мафию, которая занимается только своими интересами. Секретари никогда не показывали свои сочинения на секциях (исключение — Шостакович), они считали это ниже своего достоинства. За те 17—18 лет, что я веду цикл «Новые сочинения композиторов Москвы», ни один из них не пришел на наши концерты, но поинтересовался, что делают его коллеги. Такого больше не должно быть. Новое руководство обязано сделать все, чтобы вернуть уважение людей, в том числе — отказать-

ся от каких бы то ни было привилегий, от зарплаты... Правда, когда на первом же заседании я поднял этот вопрос, меня никто не поддержал. Я считаю, что секретари должны быть такими же, как все, и обязаны участвовать во всех мероприятиях союза наравне с рядовыми членами.

— **Есть ли у вас в секретариате единомышленники?**

— Я вообще ни с кем не считаю себя единомышленником, потому что у меня на все есть своя точка зрения. Но если человек говорит что-то правильное, хорошее, почему бы мне это не принять? В секретариате я шел с надеждой, что найду с моими коллегами общий язык, и первые наши заседания показали, что это возможно.

— **Какие вопросы вы обсуждали?**

— Их слишком много. Но основной — что сделать, чтобы не было проблем с исполнением советской музыки. СК должен иметь свои собственные исполнительские коллективы, сейчас идут поиски средств на их содержание. Обсуждались и проблемы создания настоящей информационной службы, без которой наш союз далее существовать не может.

— **Можно ли надеяться, что Союз композиторов начинает по-настоящему поворачиваться лицом к людям, что он расстается со своими функциями подавления инакомыслия в композиторской среде?**

— Действительно, до сих пор СК в основном был подавляющей организацией. Но ведь не только такой. Он мог и может очень помогать композиторам. Не забывайте, во-первых, о наших домах творчества. Я недавно был в Рузе, где созданы замечательные условия для работы, и это недорого. А дома, в которых мы живем, концертные залы — это тоже Союз композиторов. Даже при нашем руководстве 10—15 лет назад нам удавалось делать в зале СК программы гораздо более интересные и смелые, чем филармонические. Многие наши сочинения — Губайдулиной, Шнитке, Корндорфа, Шюта, мои — впервые прозвучали на концертах фестивалей «Московская осень», и по сути это были альтернативные фестивали. За них «отвечал» Московский союз композиторов, которым руководил тогда Б. М. Терентьев. Он не был, может быть, таким уж крупным композитором, но он был честным и справедливым человеком, не делившим композиторов на «белых» и «черных». Он считал, что все имеют право исполняться.

— **Эдисон Васильевич, вы очень занятый человек — много пишете, преподаете в консерватории, у вас наконец большая семья. А с нынешнего года вам предстоит заниматься еще и руководящей работой. Реально ли со всем этим справиться?**

— Конечно, нельзя на себя взваливать столько обязанностей. Я боюсь

многого не успеть. Иногда у меня возникает ощущение, что все это — я имею в виду мое секретарство — не для меня... Но сейчас, по моему, не время заниматься только своими личными делами или творчеством. Ситуация в Союзе композиторов, да и не в нем одном, в государстве настолько сложна, что каждый честный человек, желающий своей Родине благополучной судьбы, должен — может быть к сожалению, — включиться в политику.

— **Потому вы, вероятно, и не отвели своей кандидатуры, когда Московская композиторская организация выдвинула вас кандидатом в народные депутаты РСФСР? Демократичность выборов от общественных организаций многими подвергается сомнению. Как вы оцениваете процедуру своего выдвижения с этой точки зрения?**

— Год назад выборы в Союзе композиторов действительно были абсолютно недемократичными. Наша общественность не участвовала не только в голосовании, но даже в обсуждении кандидатур. Сейчас все по-другому. Меня выдвинуло тайным голосованием общее собрание композиторов Москвы. Были большие дискуссии, были альтернативы — помимо меня, обсуждалось еще 5 кандидатур. Я набрал наибольшее число голосов. Теперь мне предстоит баллотироваться на общих со всеми основаниях во Фрунзенском районе столицы, по которому выдвинуто еще 23 кандидата. А пройти должен один.

— **Вы собираетесь бороться со своими конкурентами?**

— Нет. На встречах с избирателями я просто буду говорить то, что думаю. А там уж пускай народ сам решает.

— **Какие явления в обществе вас больше всего тревожат?**

— Сейчас в связи с той свободой, которая предоставлена в нашей стране людям, на поверхность вышли злые тайные силы. В частности, меня очень беспокоит воинствующее русофильство, которое ярче всего проявилось в позиций руководства Союза писателей РСФСР. На мой взгляд, то, что произошло на писательском пленуме, и то, что происходит в Ленинграде, — проявление очень тревожных тенденций.

— **Не боятся ли вы, что бюрократическая машина Союза композиторов, мощь которой вам довелось испытать не раз, подчинит вас себе?**

— Но за 30 лет ей же не удалось этого сделать. Я уверен, что ни в чем не испачкаюсь, я не был конформистом и им не буду. А если у меня ничего не будет получаться — уйду.

Беседу вел
Л. ДОЛГАЧЕВА.